

Вершинин А.А.*

Французы в поисках себя: «Легион французских добровольцев против большевизма» на Восточном фронте (1941-1944 гг.)

Аннотация: В статье с опорой на мемуарные источники, прессу и работы современных исследователей рассматривается феномен участия французских добровольцев в войне Германии против СССР в 1941-1944 гг. Военный крах Франции в 1940 г., повлекший за собой коллапс Третьей республики, нанес мощный удар по самосознанию французов как нации и дал толчок поискам новой идентичности. Часть из них поддержала Ш. де Голля, стремившегося восстановить величие Франции как члена объединенных наций. Однако были и те, кто видел залог будущего страны во встраивании в германский «новый порядок». В центре внимания автора находится проблема самоидентификации французских легионеров, формировавшаяся и трансформировавшаяся в процессе их контакта с населением оккупированных территорий Советского Союза. Идеи крестового похода против большевизма, успешного повторения Русской кампании Наполеона, реализации цивилизаторской миссии поочередно выходили на первый план, определяя самосознание молодых французов, одевших немецкую военную форму. Особую роль играло их самоощущение как авангарда цивилизации в мире варварства, очевидно, перекликавшееся с опытом ведения колониальных войн, который имели многие легионеры. В конечном итоге, этот эксперимент потерпел неудачу. Французский легион, переформированный в дивизию, был разгромлен на поле боя. Однако легионеры потерпели и моральный крах, оказавшись не в силах объяснить самим себе и французскому обществу целесообразность и неизбежность встраивания в «новый порядок».

Ключевые слова: Вторая мировая война, Великая Отечественная война, французский коллаборационизм, Легион французских добровольцев против большевизма, оккупация, межкультурная коммуникация

УДК 94(44).084;94"1941/45"

Abstract: In the article, referring to the memoirs, the press and the works of contemporary researchers, the phenomenon of participation of the French volunteers in the war of Germany against the USSR in 1941-1944 is considered. The military collapse of France in 1940, which led to the collapse of the Third Republic, dealt a powerful blow to the self-consciousness of the French as a nation and gave impetus to the search for a new identity. Part of them supported S. de Gaulle, who sought to restore the greatness of France as a member of the United Nations. However, there were those who saw the pledge of the future of the country in the integration into the German "new order". The author focuses on the problem

---

* *Вершинин Александр Александрович* – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории России XX-XXI вв. исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: averchinine@gmail.com)

of the self-identification of French legionaries, formed and transformed in the process of their contact with the population of the occupied territories of the Soviet Union. The ideas of the crusade against Bolshevism, the successful repetition of Napoleon's Russian campaign, the realization of the civilizing mission alternately came to the fore, determining the self-consciousness of the young Frenchmen who dressed the German military uniform. Of a particular importance was their self-awareness as the avant-garde of civilization in a world of barbarism, evidently echoing the experience of colonial wars that many legionaries had. Ultimately, this experiment failed. The French legion, reformed into a division, was defeated on the battlefield. However, the legionnaires also suffered a moral collapse, being unable to explain to themselves and the French society the expediency and inevitability of embedding in the “new order”.

Key words: World War II, Great Patriotic War, French collaboration, Legion of French Volunteers Against Bolshevism, occupation, intercultural communication

Кризис французской Третьей республики, завершившийся ее коллапсом в 1940 г., был не только периодом экономического упадка и эрозии политических институтов. Его важнейший аспект – деградация республиканской политической культуры, которая за десятилетия превратилась не просто в, своего рода, культурный цемент Третьей республики, но и стала важнейшим компонентом национальной идентичности¹. Для нескольких поколений французов, переживших буланжизм, дело Дрейфуса и Первую мировую войну, понятия «Республика» и «Франция» стали синонимами. С их точки зрения, дискредитация республиканской политической системы и ее ценностей неизбежно вели к девальвации республиканского патриотизма, переоценке представления о том, чем «является» Франция. Формировавшийся, таким образом, вакуум идентичности «всасывал» в себя все многообразие символов, порожденных как сложным прошлым страны, так и противоречивой социально-политической реальностью XX в.

Французский коллаборационизм 1940-1945 гг. представлял собой нечто большее, чем стремление отдельных групп населения приспособиться к новым условиям жизни, возникшим после краха старой государственности. Он был ответом на глубокий кризис идентичности, путем обретения нового самосознания и переосмысления самого образа Франции. Под этим углом зрения полезно рассмотреть проблему участия французских добровольцев в боевые действия на Восточном фронте на стороне Вермахта. Речь идет о так называемом «Легионе французских добровольцев против большевизма» (ЛФД), сформированном из французов в 1941 г. и просуществовавшем до 1944 г. В его составе отслужили 5800 человек, всего же на Восточном фронте успели повоевать около 10 000 французов², в массе своей – молодые люди, для которых события 1940 г. стали по-настоящему судьбоносными.

¹ Berstein S. La synthèse démocrate-libérale en France, 1870-1900 // L'Invention de la démocratie, 1789-1914 / Ed. S. Berstein, M. Winock. Paris: Editions du Seuil, 2002. P. 337-346.

² Мюллер Р.-Д. На стороне вермахта. Иностранцы пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1940-1945 гг. М.: РОССПЭН, 2012. С. 150-151.

История французского антибольшевистского легиона до сих пор имеет ряд белых пятен, как и вся тема коллаборационизма в годы Второй мировой войны. Количество специально посвященных ему работ невелико. Из русскоязычных изданий следует отметить книгу О.И. Бэйды, вышедшую в свет несколько лет назад³. За рубежом, помимо историков⁴, к этой теме обращались и публицисты, в том числе придерживающиеся правых взглядов⁵. Источниковая база этих исследований практически полностью представлена тремя группами материалов: германские архивные документы, отражающие ход боевых действий на Восточном фронте, французская пресса 1940-1944 гг., и мемуары бывших бойцов антибольшевистского легиона.

Последняя группа источников, ввиду субъективности мемуарного жанра как такового, помноженной на специфику отображения темы коллаборационизма в массовом сознании, требует исключительной осторожности при отборе фактов, однако в контексте данного исследования именно она представляет особую важность. Социально-политические взгляды французских добровольцев на Восточном фронте, их восприятие истории и культурный облик достаточно выпукло отразились на страницах мемуаров. Воспоминания неизменно подчеркивают то обстоятельство, которое делает тему участия французов в войне на Востоке на стороне Германии одним из важных сюжетов всей проблематики коллаборационизма во Франции в годы Второй мировой войны: Советский Союз, во многом, играл для французов роль значимого инога. Сама страна, ее население, ее история ассоциировались у них с неким набором символов, которые встраивались в определенную картину политической и культурной самоидентификации. Контакт с реалиями войны на Востоке, с советскими людьми и их жизнью активизировал эти представления, которые, с одной стороны, объясняли молодым французам в шинелях цвета фельдграу смысл их нахождения в рядах чужой армии в тысячах километров от дома, а с другой – позволяли переосмыслить собственную культурную и национальную идентичность.

Инициатива создания «Легиона» исходила не от немцев. Замысел возник в головах лидеров французских ультраправых – Ж. Дорио, М. Деа, П. Константины. Франция отнюдь не входила в число лидеров по количеству добровольцев, воевавших на стороне Гитлера. Тем не менее, французы, вставшие под знамена нацизма, очевидно, представляли, по крайней мере, часть общественного мнения.

Боевая история «Легиона» достаточно заурядна⁶. Сформированный на территории Польши (официальное наименование в составе Вермахта – 638-й пехотный полк), в ноябре 1941 г. он оказался

³ Бэйда О.И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941-1944 гг. М.: «Вече», 2013.

⁴ Bene K. La collaboration militaire française dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire: Editions Codex, 2012; Carrard P. The French Who Fought for Hitler: Memories from the Outcasts. New York: Cambridge University Press, 2010; Davey O.A. The Origins of the Légion des Volontaires Français contre le Bolchevisme // Journal of Contemporary History. 1971. Vol. 6. №4. P. 29-45; Giolitto P. Volontaires Français sous l'uniforme Allemand. Paris: Perrin, 2007.

⁵ Lefèvre E., Mabire J. La Légion perdue: face aux partisans, 1942. Paris: Editions Jacques Grancher, 1995; Lefèvre E., Mabire J. Sur les pistes de la Russie central. Les Français de la LVF, 1943. Paris: Editions Jacques Grancher, 2003.

⁶ Бэйда О.И. Указ. соч. С. 61-267.

под Смоленском. Уже первое боевое крещение окончилось для французов неудачей: в боях под Москвой они потерпели поражение, понесли серьезные потери и были отведены в тыл. С зимы 1941-1942 гг. личный состав «Легиона» использовался для несения службы на территории Белоруссии и борьбы против партизан. В июне 1944 г. французы участвовали в боях против советских войск, проводивших Белорусскую наступательную операцию. Тогда же было принято решение о переформировании ЛФД и его включении в состав Ваффен-СС. Созданная таким образом 33-я дивизия СС «Шарлемань» была практически полностью уничтожена в боях в Померании в феврале-апреле 1945 г.

Один из советских военных, которому довелось воевать с французами под Москвой, в мемуарах назвал их «уголовниками и бродягами»⁷. Очевидно, в составе Легиона воевали и представители низов, решивших попытать военное счастье, и просто авантюристы. Однако назвать его полностью маргинальным по социальному составу нельзя.

Регулярный учет социального происхождения добровольцев в ЛФД не велся, но биографии ряда его бойцов говорят сами за себя. В составе «Легиона» воевал Ф. Сабиани – сын известного французского политика и героя Первой мировой войны С.П. Сабиани⁸. Среди мемуаристов, оставивших воспоминания о пребывании на Восточном фронте, также нет никого, кого можно было бы причислить к «уголовникам и бродягам». Так М. Ожье, известный под литературным псевдонимом Сен-Лу, был выходцем из уважаемой буржуазной семьи и обучался в университете. В «Легионе» также служил Ф. Помпиду – дядя будущего президента Франции⁹. Одним словом, речь идет об определенном срезе настроений части французского общества, хотя, как справедливо указывают исследователи, личный состав ЛФД трудно назвать монолитным с идейно-политической точки зрения¹⁰.

Первая задача, которую решает тот, кто встал на путь сотрудничества с внешним врагом, – объяснить самому себе обоснованность подобного шага. Те, кто отправился на Восточный фронт, считали, что служат идее возрождения Франции. Старая республика была мертва. П. Рюско, один из добровольцев, оставивших мемуары, приводит показательный обмен мнениями, состоявшийся между ним и его сослуживцами в самом начале их пути на восток. «Катастрофа 40 года вас удивила? – спрашивал один из собеседников, – Как можно рассчитывать на взрыв энергии народа, настолько морально и материально униженного, как наш? Нам было нечего защищать. Умереть ради спасения шатающейся республики, сотрясаемой постоянными скандалами? Об этом не могло быть и речи. Катастрофа воплотила собой упадок Франции»¹¹. Современники франко-германской войны

⁷ Вахрушев А.М. На Можайском направлении. Записки участника обороны Москвы. М.: «Воениздат», 1959. С. 105.

⁸ Бэйда О.И. Указ. соч. С. 124-125.

⁹ Там же. С. 73.

¹⁰ Beyda O. «La Grande Armée in Field Gray»: The Legion of French Volunteers Against Bolshevism, 1941 // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29. N 3. P. 502-507.

¹¹ Rusco P. Stoï! 40 mois de combats sur le front russe. Paris: Editions Jacques Grancher, 1988. P. 16.

1870-1871 гг. и Парижской Коммуны говорили о «конце Франции» («Finis Francia») ¹². Очевидно, те же чувства испытывали и те, кто в 1941 г. собирался на Восточный фронт.

Они не считали себя изменниками уже потому, что не существовало той страны и той ее идеи, которой они могли бы изменить. Служивцы Рюско проводили прямую параллель между собой и бойцами «Свободной Франции», обосновавшимися в Великобритании. По их мнению, те, кто надел форму страны, казнившей Жанну д'Арк, сославшей Наполеона на остров Святой Елены и напавшей на французский флот в Мерс-эль-Кебире, руководствовались аналогичными мотивами. Франции больше не существовало, требовалось воссоздать ее на новых основаниях или обрести нечто более великое, чем она. Часть добровольцев считала, что французы должны пойти по пути Германии и взять на вооружение идеи национал-социализма. Национал-социалистическая Франция сможет на равных сосуществовать с Германией, опираясь на все те элементы в Европе, которые не приемлют агрессивного пангерманизма ¹³.

Другие считали, что французская идея окончательно канула в Лету. «Мы находимся на историческом повороте, – вспоминал свои ощущения летом 1941 г. Рюско, – Я чувствую себя европейцем. Франция должна абстрагироваться от своего национализма и стать частью великого европейского организма, следуя здесь примеру Германии как возродившейся нации. Ее [Франции] роль здесь обусловлена ее вкладом в европейскую цивилизацию» ¹⁴. Была и третья точка зрения: залог обновления – в возвращении к истокам. Кардинал А. Бодрийар, напутствуя бойцов ЛФД, говорил: «Как священник и француз, я позволю себе сказать, что эти Легионеры принадлежат к числу лучших друзей Франции. Наш Легион – это живое воплощение старой и новой Франции [...] Эти солдаты играют свою роль в подготовке великого возрождения Франции [...] Этот Легион кладет начало новому рыцарству» ¹⁵.

Люди, стоявшие у истоков ЛФД, придерживались различных взглядов на перспективы возрождения французской нации, однако их объединяло одно – неприятие коммунистической идеологии. Коммунистическое, якобы существующее в СССР, и буржуазное, погубившее Францию, общества – отнюдь не антиподы. Первое лишь более полно развивает все то худшее, что, в основном, уже имеется во втором. «В их глазах, – поясняет философ П. Манан, – коммунизм означал не свержение капитализма, но его высшую стадию. Коммунизм для них представлял собой окончательную, сокрушительную, необратимую победу “самого презренного человека”, о котором говорил Заратустра у Ницше, “Последнего человека”, живущего своими потребностями и их удовлетворением, человека полностью “экономического”» ¹⁶.

¹² Goncourt E de., Goncourt J. de. Journal des Goncourt: Mémoires de la vie littéraire. 2ème Série. 1er Volume. 1870-1871. Paris: Bibliothèque Charpentier, 1890. P. 105.

¹³ Saint-Loup. Les Volontaires. Paris: Presse de la Cité, 1963. P. 21.

¹⁴ Rusco P. Op. cit. P. 17.

¹⁵ Cri du Peuple. 4 déc. 1941.

¹⁶ Манан П. Общедоступный курс политической философии. М.: Московская школа политических исследований, 2004. С. 262.

Дорио, стоявший у истоков ЛФД, откровенно говорил об антикоммунизме как об основе новой французской идентичности: «Крестовый поход против коммунизма раскрывает истинное значение идущей сейчас войны... Франция будет биться бок о бок с другими европейскими народами против самой порочной силы из всех, что когда-либо знал мир. Помогая сокрушить большевизм, Легион французских добровольцев дает Франции шанс восстановить свои позиции великой европейской державы. Солдаты, готовящиеся к отправке [на фронт], находятся на острие борьбы за возрождение нашей страны»¹⁷. Иными словами, французы отправлялись на восток, чтобы заново обрести Францию и самих себя.

Тема крестового похода – один из ключевых символических паттернов, связанных с пребыванием французских добровольцев на Восточном фронте. Именно так их миссия представлялась на официальном уровне. «С согласия Маршала Петэна и одобрения Фюрера, – гласила прокламация об образовании ЛФД, – нижеподписавшиеся в полном согласии решили участвовать в крестовом походе против большевизма. Они создают Легион французских добровольцев, чтобы представить Францию на Русском фронте и принять участие, во имя Франции, в борьбе за сохранение европейской цивилизации»¹⁸. О «крестовом походе против большевизма» в своем официальном обращении к легионерам говорил и маршал А. Петэн¹⁹. Так эта концепция переплеталась с бескомпромиссным антикоммунизмом и достаточно расплывчатым образом европейской идеи.

Квазирелигиозная символика сопровождала ЛФД в ходе всех трех лет его пребывания в СССР. У легиона имелся капеллан – монсеньор Ж. Майоль де Люпэ, известный тем, что воскресную мессу завершал словами: «Хайль Гитлер!»²⁰. Вместе со своим помощником он объезжал территории, занятые французскими добровольцами в Белоруссии и, помимо отправления треб и отпеваний убитых бойцов «Легиона», проводил масштабные богослужения с молитвами о даровании победы германскому оружию. По свидетельству мемуариста, местное население, в течение десятилетий лишенное возможности открыто исповедовать культ, активно включалось в это действие вне зависимости от конфессии. «От покорного сотрудничества, – отмечает он, – жители деревни перешли к деятельному после того, как переводчик объявил, что “Монсеньор” отслужит мессу в колхозном амбаре... старики – движимые сохранившейся верой, молодые – ведомые живым любопытством»²¹.

Сохранившиеся у русских и белорусских крестьян элементы религиозной веры, подавляемой советской властью, вызывали некоторую симпатию у многих легионеров, убеждавшихся в высоком предназначении своего «крестового похода». «Русские крестьяне из деревни, – вспоминал П. Рюско, – праздновали Пасху. Для них это был очень большой религиозный праздник. Так как у нас с ними были

¹⁷ Cri du Peuple. 8 juil. 1941.

¹⁸ Ibidem.

¹⁹ Ferro M. Pétain. Paris: Fayard, 1987. P. 331.

²⁰ Jackson J. France: The Dark Years, 1940-1944. New York: Oxford University Press, 2003. P. 269.

²¹ Saint-Loup. Les Volontaires... P. 129.

отличные отношения, каждая семья пригласила [к празднованию] солдата или солдат, которые размещались на постое»²². Впрочем, религиозность местного населения казалась французам несколько лубочной, и за этим с самого начала стояло определенное чувство культурного превосходства, со временем лишь усиливавшееся. «Шла ли речь о годовщине со дня смерти Ленина, о возвращении веры Христовой в их деревню, о прибытии нового советского комиссара или об отъезде старого (разумеется, ненавидимого), русские никогда не упускали возможность отметить этот торжественный день, и устроить “праздник” (*Prazdnik*)!»²³.

Символика крестового похода проскальзывала даже в деталях. Мемуаристы вспоминали, что для местного населения они были «франками», как и все другие представители Западной Европы²⁴, – прямая отсылка к восприятию крестоносцев на Востоке. Едва ли она имела отношение к реальности межкультурных контактов на оккупированной территории СССР в 1941-1944 гг., однако многое говорила о том, как видели самих себя французские добровольцы. Местные крестьяне плохо подходили на роль «сарацин», и соответствующий образ был быстро экстраполирован на партизан. В своих мемуарах Ожье недвусмысленно квалифицирует их как «политических солдат коммунизма»²⁵. В коллективном образе партизана для французских добровольцев концентрировались наиболее мрачные стороны советского коммунистического режима, с которым они считали себя призванными бороться: «Статус партизана облегчал им занятие ремеслом грабителя, так как грабеж деревень с целью добыть пропитание становился “политическим делом” и получал необходимое оправдание со стороны Красной церкви»²⁶. Советские партизаны олицетворяли собой открытого врага и в этом качестве заняли важную символическую нишу в мировоззрении французских добровольцев на Восточном фронте.

Однако годы пребывания на оккупированной территории, борьба против партизан, которые, очевидно, пользовались поддержкой местного населения, укреплявшееся ощущение приближающегося поражения Германии постепенно разрушали образ бойца ЛФД как нового крестоносца. В автобиографическом романе «Добровольцы» Ожье приводит разговор одного из офицеров Легиона с поэтом-коллорационистом Р. Бразийаком, посетившим Восточный фронт в 1943 г.: «Твой фашистский крестовый поход против большевизма? Нет никакого крестового похода. Это всего лишь литература, причем не лучшего качества»²⁷.

Для многих добровольцев война и карательные операции стали частью повседневной жизни, вошли в привычку, больше не требуя внутреннего обоснования. Эту точку зрения в ответ на вопрос «зачем ты воюешь?» изложил один из персонажей, описанных Ожье: «Потому что это доставляет мне

²² Rusco P. Op. cit. P. 77.

²³ Saint-Loup. Les Volontaires... P. 131.

²⁴ Saint-Loup. Les Partisans: choses vues en Russie 1941-1942. Paris: Art et histoire d'Europe, 1986. P. 99.

²⁵ Ibid. P. 94.

²⁶ Ibid. P. 95.

²⁷ Saint-Loup. Les Volontaires... P. 244.

удовольствие! Это мое призвание... Личная судьба! Высший эгоизм! Судьба может быть только индивидуальной»²⁸. Именно эти люди конкурировали с немцами в жестокости по отношению к местному населению. В их среде даже возникли элементы жаргона, связанного со спецификой проведения карательных операций. «*Zabraliser*» - изобретенный французами на основе русского глагола «забрать» неологизм для обозначения убийства гражданских лиц многократно встречается на страницах мемуаров выживших участников ЛФД.

В статье о деятельности Легиона на оккупированных территориях СССР французский историк В. Буле приводит ряд характерных свидетельств. «Из письма лейтенанта Генштаба Симони Л. Ребате: “Работа была и правда хорошо проделана! Я уничтожил полностью, до оград, которые разделяют избы, деревни *Astowok*, две деревни *Demischkowka*, две *Kujaswka* и *Kottowo*. Те немногие, кого мы застали, были убиты за поддержание связей с врагом”... “Вечером 8 января 1943 г. во время операции [между Борисовым и Крупкой. – А.В.] поведение некоторых мужчин – примерно 20-ти – в возрасте от 18 до 40 лет, оставшихся на месте, упорно хранивших молчание, было достаточно ясным, чтобы я без колебаний применил инструкции, полученные в Кручине... Я дал приказ расстрелять всех мужчин, и приказ был выполнен. Я знал, что так же обстоит дело с деревней, соседней с Чернешевской, которая находилась на моей обратной дороге. Я приказал ее сжечь”»²⁹. Сохранившиеся документы позволяют серьезно скорректировать ту картину взаимопонимания между бойцами ЛФД и местным населением, которую рисуют мемуаристы. «Несмотря на жестокие реалии военной поры, пишет Ожье, – они [французские добровольцы] вскоре стали любимы и уважаемы русским населением. Когда они, наконец, отбыли в последние дни февраля, бабы (“*babas*”) провожали их всяческими благословениями»³⁰.

Утратив понимание цели своего пребывания на территории СССР, французы начинали переходить на сторону советских партизан, достаточно быстро усваивая их взгляд на ведущуюся войну. Один из бывших бойцов Легиона, перейдя к партизанам, заявил, что «не хочет воевать за Гитлера, который ограбил Францию»³¹. Для тех легионеров, которые оставались верны присяге Гитлеру, ключевую роль часто играла память о походе Наполеона в Россию в 1812 г. С самых первых месяцев существования ЛФД его бойцы сравнивали себя с солдатами Великой армии: «Это казалось нам чем-то вроде реванша. В любом случае, за нами оставался долг, который мы собирались уплатить на берегах Березины»³².

²⁸ Ibid. P. 282.

²⁹ Буле В. «Мы пришли, чтобы помочь раздавить чудовище»: французский фашизм от теории к практике на примере Легиона французских добровольцев против фашизма // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 года). М.: Фонд «Историческая память», 2010. С. 228-229.

³⁰ Saint-Loup. Les Partisans... P. 74.

³¹ Козак К.И. Французы в Беларуси 1941-1944 гг.: исторические параллели через 130 и 190 лет // Французско-русская война 1812 года: еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі 29-30 лістапада 2002 г. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2003. С. 169.

³² Saint-Loup. Les Partisans... P. 8.

Бытует мнение о том, что французские добровольцы под Москвой воевали против Красной Армии на Бородинском поле. Оно ошибочно: во время боев на Можайском направлении в октябре 1941 г. ЛФД еще не находился на линии фронта. Однако, очевидных ассоциаций с 1812 годом и без того хватало. В качестве базы для формирования «Легиона» была выбрана территория Польши. Аллюзия к герцогству Варшавскому, служившему в свое время плацдармом для Наполеона, напрашивалась сама собой и акцентировалась германским и французским командованием в обращениях и приказах³³. В 1942 г. во Франции к 130-летию Бородинского сражения была выпущена серия марок, в оформлении которой наполеоновская символика соседствовала с зарисовками из жизни ЛФД. В ноябре 1942 г. по инициативе немцев на берегу Березины был установлен памятник в честь Наполеона.

Продвигаясь по территории Белоруссии, французы также мысленно возвращались в прошлое. Вокруг себя они находили следы памяти о 1812 годе. «Прохождение Великой армии, действительно, оставило у населения Белоруссии ужасающие воспоминания, – пишет Ожье, – легенды, широко распространенные между Вязьмой и Минском..., уверяют, что солдаты Наполеона, терпевшие страшные лишения, жарили русских детей на бивачных кострах и ели их»³⁴. Местные жители сохраняли память о солдатах Великой армии, оставшихся после войны в России. В одной из деревень легионеры разместились на постое у женщины, помнившей о том, что она являлась правнучкой француза, не вернувшегося домой³⁵. В лесах крестьяне показывали бойцам ЛФД сохранившиеся захоронения наполеоновских солдат. Этот эпизод присутствует у нескольких мемуаристов: «Однажды, предварительно тайно, заговорщически посоветовавшись между собой, мужчины отвели нас в чащу леса, где мы с изумлением обнаружили кладбище солдат Наполеона. Как казалось, за ним до сих пор ухаживали. Однако имена на могилах, к сожалению, уже не читались»³⁶. Отступая в 1944 г. из Белоруссии под ударами советских войск, французы форсировали Березину в том же месте, где за 130 лет до них переправлялась Великая армия³⁷. Это не добавляло оптимизма бойцам «Легиона», существовать которому оставалось несколько месяцев.

С точки зрения символического наполнения, наполеоновский миф имел явное отличие от идеи крестового похода. Новые крестоносцы в форме солдат Вермахта преследовали, скорее, негативную цель – искоренение ереси, под которой в реалиях Второй мировой войны понимался советский коммунизм. Возвращение к той миссии, которую считал себя призванным выполнить Наполеон, предполагало изменение целеполагания. Великая армия в свое время отправилась в Россию ради объединения Европы под властью страны, являвшейся колыбелью Просвещения. Апеллируя к опыту

³³ Козак К.И. Указ. соч. С. 183.

³⁴ Saint-Loup. Les Volontaires... P. 47.

³⁵ Ibid. P. 106.

³⁶ Rusco P. Op. cit. P. 92.

³⁷ Ibid. P. 225.

Наполеона, легионеры претендовали на роль созидателей обновленной Европы. Печатный орган «Легиона» имел весьма характерное название – «Европейский комбатант».

Впрочем, лозунг обновленной Европы звучал слишком абстрактно для французов, воевавших в дебрях белорусских лесов. Гораздо более созвучной их умонастроению была идея цивилизаторской миссии, также имевшая прямую аналогию в наполеоновской мифологии. Восприятие России как иной цивилизации, ее культуры как чуждой европейской традиции являлось частью самой идеологии «Легиона французских добровольцев против большевизма». 18 октября 1941 г. газета опубликовала слова одного из легионеров: «Наше путешествие закончено, мы на пороге непокоренной страны, на границе двух неуловимых реальностей: арийской цивилизации и семитского варварства. По ту сторону границы существует другой народ, идеал, противоположный нашему: разрушение общества»³⁸. В указании на культурные корни этого варварства очевиден антисемитский подтекст, однако он фактически слился с идеей цивилизационного превосходства Франции и Европы, сплотившейся под знаменами Гитлера, над Россией и ее населением.

Подобные мысли рассыпаны по всему корпусу мемуарных источников. «Мы вошли в Россию, которая оказалась дивным раем. Крестьяне не имели представления об электричестве, а для освещения использовали жир животных. Ни читать, ни писать они не умели. Со времен Сотворения мира здесь ничего не поменялось»³⁹, – вспоминал один из легионеров. В своей книге Бэйда приводит свидетельство Помпиду, опубликованное в газете *La Semaine* 2 апреля 1942 г.: «Личность опущена до уровня животного, и средний социальный и интеллектуальный уровень русских нельзя сопоставить ни с чем, известным нам, даже если мы заглянем вглубь нашей истории»⁴⁰. «У советских военнопленных, – отмечал еще один легионер, – лица дегенератов, способных на все, в оцепенении они тысячами расстаются со своими жалкими жизнями»⁴¹.

Мемуаристы пишут о тех чувствах, которые овладевали легионерами при пересечении советской границы у Бреста: «Перемена бросается в глаза. Польские дома с соломенными крышами и глиняными стенами внезапно уступают место бревенчатым хижинам, имевшим самый жалкий вид [...] Отныне мы видим один и тот же пейзаж – еловые леса, перемежающиеся с равнинными участками, на первый взгляд не возделываемыми. Время от времени на пути попадает жалкая деревня с бревенчатыми домами и соломенными крышами. Я никогда не думал, что человеческие существа могут жить в таких условиях. Но я тогда еще ничего не видел. За три года в России я сталкивался с нищетой гораздо более страшной, чем все то, что можно представить себе в нашу эпоху»⁴². Россия однозначно воспринимается

³⁸ Буле В. Указ. соч. С. 225.

³⁹ Laurier M. Il reste le drapeau noir et les copains. Paris: L'Homme libre, 2002. P.29.

⁴⁰ Бэйда О.И. Указ. соч. С. 74.

⁴¹ Там же. С. 73.

⁴² Rusco P. Op. cit. P. 24-25.

как иная цивилизация. Французов поражают русские расстояния, которые меняют само представление о пространстве и времени. Мемуарист вспоминает, как его часть вошла в белорусскую деревню, в которой с самого начала войны не видели ни одного солдата. «Десятки тысяч [других] деревень ничего не слышали о войне»⁴³, – подытоживает он.

Условия жизни и труда местного населения казались французам чем-то чуждым и архаичным. Распределенные на постой по избам, они наблюдали за тем, как организован крестьянский быт: «Изба состоит из двух комнат, одна из которых предназначена для людей, а другая – для животных [...] Мебель проста: несколько деревянных скамеек и стол, на котором кишат клопы в том же количестве, что и на полу [...] Печь находится во владении женщин и детей, который занимают ее постоянно, проводя свое время за ловлей вшей, которыми они покрыты»⁴⁴. Русский крестьянин беден, но ловок и мобилен. Из элементов его нехитрого рабочего обихода внимание французов привлекла телега, на которой перевозят любой груз на любое расстояние по любым дорогам, и «неутомимые маленькие русские лошадки»⁴⁵.

Грязь, нищета, огромные расстояния, уничтожающие саму возможность стабильного гармоничного развития, серая безликая масса населения, занятого в основном борьбой за выживание, – именно такой увидели Россию французские легионеры. Не случайно многие из них сравнивали свое пребывание на Восточном фронте с колониальной экспедицией. Красной нитью через мемуары бойцов ЛФД проходит сравнение русских с берберами и другими жителями французских владений в Северной Африке, с культурой которых многие легионеры были знакомы не понаслышке. Русская телега напоминала им североафриканскую арбу, труд крестьянина в поле вызывал ассоциации с тем, как негр собирает свой урожай⁴⁶. Сама война против невидимого противника в ситуации отсутствия надежных коммуникаций была похожа на то, как французский иностранный легион воевал против берберов⁴⁷. «Шлехи», этноним крупнейшего берберского племени, активно использовался ими для обозначения советских партизан⁴⁸.

Французы с трудом могли объяснить себе, как подобная культура смогла породить мощную государственность, создавшую сильную армию и противостоявшую всей Европе на поле боя. Зримые свидетельства этого противоречия неизменно их озадачивали. В окрестностях Борисова бойцы ЛФД увидели военный городок Красной Армии, состоявший из десятков современных капитальных построек, оборудованных по последнему слову техники. Мемуарист отмечает: «В городе Борисове до сих пор царит Средневековье: покрытые песком улицы, избы, немногочисленные присутственные места с кирпичными стенами, отсутствие водопровода, лишь несколько подсоединенных к электричеству

⁴³ Saint-Loup. Les Partisans... P. 99.

⁴⁴ Rusco P. Op. cit. P. 29-30.

⁴⁵ Rusco P. Op. cit. P. 60.

⁴⁶ Ibid. P. 30.

⁴⁷ Saint-Loup. Les Partisans... P. 107.

⁴⁸ Ibid. P. 10.

зданий. В казармах Борисова бал правит XX век, однако лишь в одной своей ипостаси. Здесь СССР произвел на свет военного монстра. Это одновременно абсурдно и грандиозно!»⁴⁹.

Проблема соотношения государственного и народного начал в России, над которой в свое время размышлял А. де Токвиль⁵⁰, неожиданно ставится и французскими легионерами, воевавшими на стороне Гитлера, причем в удивительно схожих категориях. «Я нигде не видел такой человеческой дезорганизации, поработанных индивидов, работавших как невольники на хищное государство, которое, словно настоящий торговец, никогда не может насытиться, – отмечал Помпиду, – Я осознал и я считаю, что русская революция не была социалистической. Как раз наоборот, она отошла от социализма в сторону государственного капитализма, скорее американского, нежели советского типа»⁵¹. Ожье, записавший впечатления после осмотра борисовских казарм, считал тогда, что советский опыт государственного строительства обречен на провал: «Люди, представляющие этот режим, ...были движимы желанием сравняться с западной цивилизацией и возвыситься над ней. Но они не учли тот разрыв, который существует между их мечтами с одной стороны и действительным уровнем культуры их народа, практическим потенциалом их страны – с другой»⁵². «Русский, – констатирует он, – остался на стадии цивилизации дерева (*civilisation de bois*)».

В России чувство культурного превосходства и дискурс о цивилизаторской миссии, традиционно являвшиеся важной частью французской идентичности, столкнулись с непониманием природы русской общественно-политической жизни. Пытаясь решить это противоречие, Ожье, общавшийся с белорусскими крестьянами и наблюдавший за их бытом, в своих мемуарах пришел к важным выводам. Советская власть и коллективизация не смогли разрушить основу мировоззрения крестьянина, веру в Бога и особую связь с природой, хотя тот естественный «хаос», в котором он жил и который придавал ему силы, и оказался под угрозой рационализации. Любую власть, будь то царская, коммунистическая или германская оккупационная, он рассматривает в одних и тех же категориях, подчиняясь ей как внешней стихии. Крестьянин много трудится, но не для того, чтобы заработать деньги, как на Западе, а чтобы выжить. Именно за его счет была проведена масштабная индустриализация страны⁵³.

Однако, несмотря на это, русское крестьянство и при советской власти сохраняет то, чего не хватает современному Западу. «Те, кто насмехается над русским крестьянином, сетует на его “варварство” – глупцы. Эти крестьяне сохранили в хорошем состоянии главные двигатели наших душ. Очевидно, именно потому, что они испокон веков страдали и живут в суровых географических условиях, им удалось сохранить эту высокую мудрость, мать любой формы сопротивления –

⁴⁹ Saint-Loup. Les Volontaires... P. 199.

⁵⁰ Вершинин А.А. «Судилище Европы»: Россия глазами Алексиса де Токвиля и Макса Вебера // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 24-39.

⁵¹ Бэйда О.И. Указ. соч. С. 74.

⁵² Saint-Loup. Les Partisans... P. 90.

⁵³ Ibid. P. 122.

смирение»⁵⁴. Русский крестьянин как «человек естественный», неразрывно связанный с природой, знает о жизни то, что забыло современное западное общество, и в этом качестве является носителем высшего смысла. Эта идея, озвученная после поражения Наполеона А. де Кюстином и Токвилем, укоренившаяся в последней четверти XIX в. в период дискуссий о «конце Франции» и проявившаяся в виде массового увлечения творчеством Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого, неизменно сопровождала поиски новой французской идентичности. В этом контексте, хотя и при особых обстоятельствах, она вновь возникла в годы Второй мировой войны.

* * *

«Обрели ли себя» те французы, которые в униформе солдат Вермахта в 1941 г. отправились в Россию? На Восточном фронте их ждало не только военное поражение, но и моральное фиаско. Крестового похода против большевизма не получилось. Блеск европейской идеи в лесах и болотах Белоруссии серьезно потускнел. «Расплатиться по долгам» Наполеона и Великой армии также не удалось. ЛФД превратился в рядовое подразделение Вермахта, проводившее карательные операции и не раз отметившееся в жестоких репрессиях против мирного населения. Постоянно оскудевавший приток добровольцев с родины говорил сам за себя. Движение Ш. де Голля, в 1940 г. взявшееся за, как казалось, безнадежное дело возрождения «величия Франции», коммунисты, составившие костяк движения Сопротивления, предложили гораздо более перспективные модели воссоздания французской национальной идентичности по итогам коллапса Третьей республики.

На березовых крестах, которые устанавливали на могилах убитых на Восточном фронте легионеров, писали: «Погиб за Францию». Однако существовала ли в действительности та Франция, которую представляли себе французы в шинелях цвета фельдграу и за которую они отдали свои жизни в снегах далекой России? История дала отрицательный ответ на этот вопрос.

Библиография:

- Буле В. «Мы пришли, чтобы помочь раздавить чудовище»: французский фашизм от теории к практике на примере Легиона французских добровольцев против фашизма // Война на уничтожение: Нацистская политика геноцида на территории Восточной Европы. Материалы международной научной конференции (Москва, 26-28 апреля 2010 года). М.: Фонд «Историческая память», 2010. 503 с.
- Бэйда О.И. Французский легион на службе Гитлеру. 1941-1944 гг. М.: «Вече», 2013. 333 с.
- Вахрушев А.М. На Можайском направлении. Записки участника обороны Москвы. М.: «Воениздат», 1959. 144 с.

⁵⁴ Ibid. P. 121.

- Вершинин А.А. «Судилище Европы»: Россия глазами Алексиса де Токвиля и Макса Вебера // Свободная мысль. 2016. № 6. С. 24-39.
- Козак К.И. Французы в Беларуси 1941-1944 гг.: исторические параллели через 130 и 190 лет // Французско-русская война 1812 года: еўрапейскія дыскурсы і беларускі погляд: матэрыялы Міжнароднай навуковай канферэнцыі 29-30 лістапада 2002 г. Мінск: Выдавецкі цэнтр БДУ, 2003. 269 с.
- Манан П. Общедоступный курс политической философии. М.: Московская школа политических исследований, 2004. 332 с.
- Мюллер Р.-Д. На стороне вермахта. Иностранцы пособники Гитлера во время «крестового похода против большевизма» 1940-1945 гг. М.: РОССПЭН, 2012. 301 с.
- Bene K. La collaboration militaire française dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire: Editions Codex, 2012. 592 p.
- Berstein S. La synthèse démocrate-libérale en France, 1870-1900 // L'Invention de la démocratie, 1789-1914 / Ed. S. Berstein, M. Winock. Paris: Editions du Seuil, 2002. 620 p.
- Beyda O. «La Grande Armée in Field Gray»: The Legion of French Volunteers Against Bolshevism, 1941 // The Journal of Slavic Military Studies. 2016. Vol. 29. N 3. P. 500-518.
- Carrard P. The French Who Fought for Hitler: Memories from the Outcasts. New York: Cambridge University Press, 2010. 274 p.
- Davey O.A. The Origins of the Légion des Volontaires Français contre le Bolchevisme // Journal of Contemporary History. 1971. Vol. 6. N 4. P. 29-45.
- Ferro M. Pétain. Paris: Fayard, 1987. 789 p.
- Giolitto P. Volontaires Français sous l'uniforme Allemand. Paris: Perrin, 2007. 576 p.
- Goncourt E de., Goncourt J. de. Journal des Goncourt: Mémoires de la vie littéraire. 2ème Série. 1er Volume. 1870-1871. Paris: Bibliothèque Charpentier, 1890. 379 p.
- Jackson J. France: The Dark Years, 1940-1944. New York: Oxford University Press, 2003. 688 p.
- Lambert P.P., Le Marec G. Les Français sous le casque Allemand, Europe 1941-1945. Paris: Editions Jacques Grancher, 1994. 252 p.
- Laurier M. Il reste le drapeau noir et les copains. Paris: L'Homme libre, 2002. 98 p.
- Lefèvre E., Mabire J. La Légion perdue: face aux partisans, 1942. Paris: Editions Jacques Grancher, 1995. 294 p.
- Lefèvre E., Mabire J. Sur les pistes de la Russie central. Les Français de la LVF, 1943. Paris: Editions Jacques Grancher, 2003. 300 p.
- Rusco P. Stoï! 40 mois de combats sur le front russe. Paris: Editions Jacques Grancher, 1988. 288 p.
- Saint-Loup. Les Partisans: choses vues en Russie 1941-1942. Paris: Art et histoire d'Europe, 1986. 217 p.
- Saint-Loup. Les Volontaires. Paris: Presse de la Cité, 1963. 506 p.

Bibliography:

- Bule V. «My prishli, chtoby pomoch' razdavit' chudovishche»: frantsuzskiy fashizm ot teorii k praktike na primere Legiona frantsuzskikh dobrovol'tsev protiv fashizma. Voyna na unichtozheniye: Natsistskaya politika genotsida na territorii Vostochnoy Yevropy. Materialy mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Moskva, 26-28 aprelya 2010 goda). Moscow, Fond «Istoricheskaya pamyat'» Publ., 2010. 503 p.
- Beyda O.I. Frantsuzskiy legion na sluzhbe Gitleru. 1941-1944 gg. Moscow, Veche Publ., 2013. 333 p.
- Vakhrushev A.M. Na Mozhayskom napravlenii. Zapiski uchastnika oborony Moskvy. Moscow, Voenizdat Publ., 1959. 144 p.

- Vershinin A.A. «Sudilishche Yevropy»: Rossiya glazami Aleksisa de Tokvilya i Maksa Vebera. Svobodnaya mysl', 2016, no. 6, pp. 24-39.
- Kozak K.I. Frantsuzy v Belarusi 1941-1944 gg.: istoricheskiye paralleli cherez 130 i 190 let. Frantsuzskaruskaya vayna 1812 goda: yeŭrapeyskiya dyskursy i belaruskii poglyad: materyyaly Mizhnarodnay navukovay kanferentsyi 29-30 listapada 2002 g. Minsk, Vydavetski tsentr BDU Publ., 2003. 269 p.
- Manan P. Obshchedostupnyy kurs politicheskoy filosofii. Moscow, Moskovskaya shkola politicheskikh issledovaniy Publ., 2004. 332 p.
- Myuller R.-D. Na storone vermakhta. Inostrannyye posobniki Gitlera vo vremya «krestovogo pokhoda protiv bol'shevizma» 1940-1945 gg. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 301 p.
- Bene K. La collaboration militaire française dans la Seconde Guerre mondiale. Talmont-Saint-Hilaire, Editions Codex, 2012. 592 p.
- Berstein S. La synthèse démocrate-libérale en France, 1870-1900. L'Invention de la démocratie, 1789-1914. Ed. S. Berstein, M. Winock. Paris, Editions du Seuil, 2002. 620 p.
- Beyda O. "La Grande Armée in Field Gray": The Legion of French Volunteers Against Bolshevism, 1941. The Journal of Slavic Military Studies. 2016, vol. 29, no. 3, pp. 500-518.
- Carrard P. The French Who Fought for Hitler: Memories from the Outcasts. New York, Cambridge University Press Publ., 2010. 274 p.
- Davey O.A. The Origins of the Légion des Volontaires Français contre le Bolchevisme. Journal of Contemporary History. 1971, vol. 6, no. 4, pp. 29-45.
- Ferro M. Pétain. Paris, Fayard, 1987. 789 p.
- Giolitto P. Volontaires Français sous l'uniforme Allemand. Paris, Perrin, 2007. 576 p.
- Goncourt E de., Goncourt J. de. Journal des Goncourt: Mémoires de la vie littéraire. 2ème Série, 1er Volume, 1870-1871. Paris, Bibliothèque Charpentier, 1890. 379 p.
- Jackson J. France: The Dark Years, 1940-1944. New York, Oxford University Press Publ., 2003. 688 p.
- Lambert P.P., Le Marec G. Les Français sous le casque Allemand, Europe 1941-1945. Paris, Editions Jacques Grancher, 1994. 252 p.
- Laurier M. Il reste le drapeau noir et les copains. Paris, L'Homme libre, 2002. 98 p.
- Lefèvre E., Mabire J. La Légion perdue: face aux partisans, 1942. Paris, Editions Jacques Grancher, 1995. 294 p.
- Lefèvre E., Mabire J. Sur les pistes de la Russie central. Les Français de la LVF, 1943. Paris, Editions Jacques Grancher, 2003. 300 p.
- Rusco P. Stoï! 40 mois de combats sur le front russe. Paris, Editions Jacques Grancher, 1988. 288 p.
- Saint-Loup. Les Partisans: choses vues en Russie 1941-1942. Paris, Art et histoire d'Europe, 1986. 217 p.
- Saint-Loup. Les Volontaires. Paris, Presse de la Cité, 1963. 506 p.